

«Новая драма»: детство, в людях...

Один из организаторов фестиваля новой пьесы Эдуард Бояков считает, что люди у нас боятся смотреть пьесы «про сегодня»

Независимая — 2003. — 4 марта — с. 8.

Григорий Заславский

Эдуард Бояков — генеральный директор ассоциации «Золотая маска» и один из инициаторов и руководителей фестиваля «Новая драма». Прошедший впервые в прошлом году, ныне фестиваль «обрастает» постоянными акциями в разных городах России, читками пьес, спектаклями. Среди ближайших — дни новой драмы во МХАТе имени Чехова. Они пройдут с 4 по 21 марта.

Прошел фестиваль «Новая драма». Награды, премии, всплеск интереса. Эдуард, появилось ли у тебя ощущение, что интерес к современной драматургии не проходит вместе с фестивалем? Обращаются ли к вам театры, которые ищут новые тексты?

— Сейчас — да, и таких обращений очень много. Это связано с модой. Нужна новая драматургия или нет — этот вопрос уже не обсуждается, ответ очевиден. Вопрос, пройдет ли эта мода? Есть такой пример. Михаил Бычков, воодушевленный успехами «Новой драмы» в Москве, приехал в свой родной воронежский театр и сказал, что теперь они тоже будут ставить новую драму. Прочитав «Откровенные полароидные снимки», два заслуженных артиста положили на стол заявления об уходе. Но теперь уже в театре играют два спектакля, публика остается после спектаклей, чтобы поговорить с актерами. Но сначала-то история была дикая!

— Люди не хотят видеть пьесы про сегодня? Или не хотят экстремальной драматургии?

— Они просто боятся.

— Нужно ли, по-твоему, разводить вопросы качества и актуальности, когда речь идет о современной драматургии? Для лондонского театра

«Royal court» актуальность и болезненность того, что они показывают, кажется, часто важнее качества.

— Для меня актуальность — одно из проявлений качества. Есть вещи быстрого пользования — например, покупке чая не будет уделено столько же внимания, сколько покупке пылесоса.

— Но мы же не можем относиться к драматургии, как к покупке одноразовых стаканов.

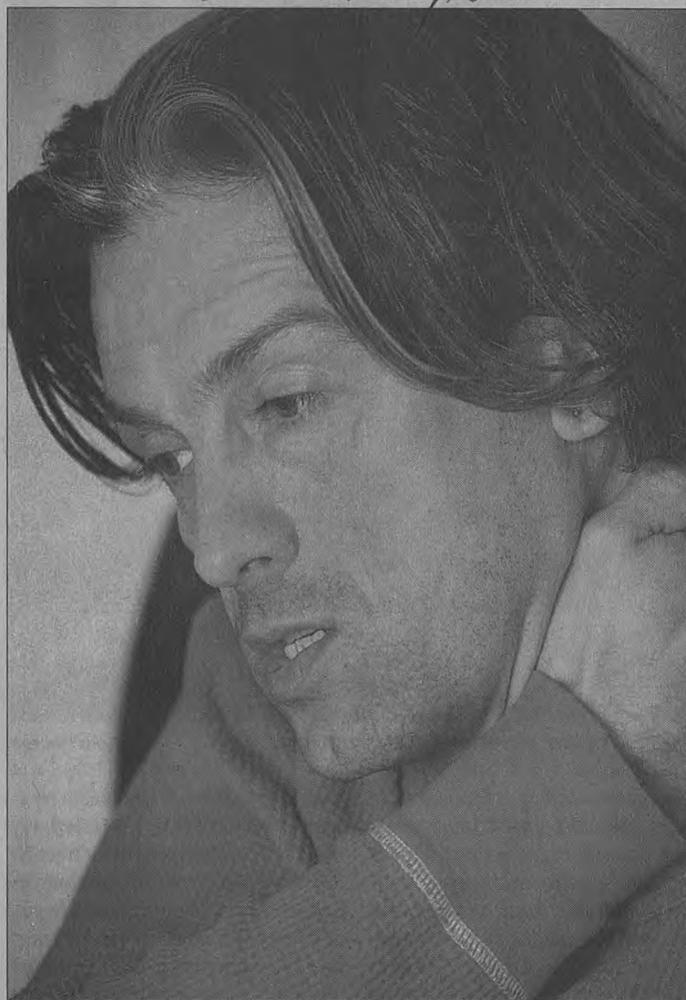
— Пылесос я покупаю один раз в жизни, а чай постоянно. Момент актуальности очень важен. Он тоже определяет качество. Я бы и болезненность отнес к первичным категориям современной драматургии. Если у нас большое общество, то в болезненности проявляется правдивость. Если здоровое, — в здоровье заключается такая же правда. Надо на жизнь, мне кажется, смотреть открытыми глазами. Именно этого не хватает театру. У нас сейчас на территории современной драматургии наблюдаются две крайности: есть то, что ставят в Театре Пушкина на большой сцене, — это развлекательные комедии Олега Данилова и Надежды Птушкиной, и есть жесткая пьеса в Центре драматургии и режиссуры и в ТЕАТРЕ.doc.

— Когда соединялись три структуры: МХАТ, Центр документальной пьесы и «Золотая маска», насколько вы были теми традиционными лебедем, раком и щукой?

— То, что мы сблизилась за это время, — это совершенно точно. У нас есть ощущение, что со МХАТом мы делаем одно дело. Ни один завлит не читает столько пьес, сколько Табаков. Он ищет, у него есть литературный вкус. И очевидно, что МХАТ должен стать локомотивом этих процессов.

— У МХАТа есть то, чего нет у других театров: возможность большой ротации.

— Да, и это важно. Мне кажется, мы совершаем ошибку, когда

Для Эдуарда Боякова актуальность драматургии и есть ее качество.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

после трех плохих спектаклей по двум неважным пьесам говорим: «Ну и где ваша новая драматургия?» Когда и того и другого будет по тридцать, все будет по-другому. А сейчас, например, мы ведем переговоры с крупными немецкими продюсерами о фестивале Сорокина на фестивале Сорокина в Германии. Я считаю Сорокина выдающимся российским драматургом и вижу проблему в том, что Сорокин оценен только как прозаик.

— Ваши ближайшие планы?

— В первые три недели марта в Чеховском МХАТе пройдет так называемая Декада новой драмы — плод совместной работы

МХАТа и фестиваля «Новая драма». Мы вместе выбирали еще нигде не ставившиеся пьесы. Остановились на четырех. Это «Мой голубой друг» Екатерины Ковалевой, заключенной колонии строгого режима, «Подсобное хозяйство» Владимира Жеребцова, живущего в Башкирии, «Лучшие!» Екатерины Нарши, «Потрясенная Татьяна» молодого грузинского автора Лаши Бутадзе.

— Вы делаете читки?

— Нет, это не читки. Это — новый формат: работа на полпути к результату, когда роли выучены, мизансцены выстроены, спектакль почти готов — только деко-

раций нет. Это экономически и политически верный путь для испытания пьесы сценой.

— Зрители будут платить за это?

— Да. Это спектакли, которые выносятся на суд зрителя как некий этап. Цель таких спектаклей — представление пьесы. У МХАТа имени Чехова — право первой ночи на любую из этих работ. Если представление пройдет с успехом, то МХАТ возьмет пьесу в репертуар. Если нет, то, судя по тому, как настроены все четыре постановочные группы, спектакли все равно будут со временем закончены.

— Каково будущее «Новой драмы»?

— Это, мне кажется, фестиваль процесса. Вероятно, из тридцати премьер успешными будут всего три, но кто-то должен эту работу проделать, иначе не появится и этих трех успешных пьес. Конечно, огромные ресурсы — у Министерства культуры. Но там, во всяком случае до последнего времени, считали нужным помогать драматургам. По-моему, поддерживать нужно не драматургов, а театры, которые хотят этого драматурга поставить. Но есть и другой путь. В некоторых странах существует правило мертвой руки. Театры платят авторские отчисления со всех текстов, включая Шекспира, а эти деньги идут на развитие современной драматургии.

— Если это процесс, то чем вы занимаетесь ежедневно, когда до фестиваля еще более полугода?

— Да, фестиваль будет в сентябре, он снова пройдет во МХАТе. Но для нас важно, чтобы в течение года было несколько важных событий, которые бы выполняли роль мостика. Первая точка — это мартовская Декада новой драмы во МХАТе. Вторая — «Любимовка», которой занимаются Елена Гремина и ее товарищи — это наши ближайшие партнеры. Третья — региональные проекты. В Кирове, например, где осенью

мы показали пять спектаклей и публично продемонстрировали, что такое «документальный театр», был настоящий успех. Может быть, ошибка Михаила Быčkova заключалась в том, что он читает актерам пьесы, актеры видят слово «х.» и теряют сознание. Надо не читать пьесы, а смотреть спектакли. Когда мы привезли в Киров «Облом off», город был взбудоражен — и вовсе не потому, что в спектакле не обошлось без этого слова.

— А если вам, например, сейчас предложат заниматься новой драматургией в маленьком зале нового Дома актера?

— Если скажут, будем. Только не говорят. Площадки должны быть органами одного организма, а у нас, условно говоря, увеличена печень и барахлят легкие. Так организм работать не будет. В той же самой Англии все хорошо работает, потому что есть иерархия. Пьеса постепенно поднимается в крупные театры из кафе и забегаловок. Помните фильм Патриса Шеро «Интим»? Действие там происходит в некоем клубе, люди играют в бильярд, и висит объявление: «Туалет и театр вниз по лестнице». Так вот, это — та лестница, по которой должна подниматься пьеса.

— Но у нас не будет такой иерархии. Театр Пушкина, например — типичный Бродвей по местоположению, но он не хочет быть Бродвеем.

— Почему? Театр Пушкина стремится, не потеряв лица и не превратившись в бульварный театр, обслуживать людей. Если бы я сейчас получил театр на 1500 мест, о чем бы я думал? Искать бы пьесы, максимально подходящие для того, чтобы заполнить зал на 1500 мест. Аншлаг должен быть обязательно. Если никто, кроме Птушкиной, зала не собирает, значит, должна быть Птушкина. Но мы уверены, что многое из того, что есть в новой драме, тоже способно делать аншлаги.